

Лариса Лазарова

Кролики — это серьёзно.

Поиски Василия.
— На глубине —

Лариса Лазарова

**Кролики - это серьезно.
Поиски Василия. На глубине.**

«Автор»

2026

Лазарова Л.

Кролики - это серьезно. Поиски Василия. На глубине. /
Л. Лазарова — «Автор», 2026

Второй роман цикла «Кролики — это серьёзно» продолжает исследование темы обмена телами как метафоры эмпатии и понимания Другого. Если в первой книге («Редкий Шик») конфликт строился на столкновении порядка и хаоса, то во втором романе автор обращается к теме потери и любви. Это тёплая, смешная и трогательная история о том, что любовь не знает границ — даже видовых. Кролик-сноб учится эмпатии. Злая соседка оказывается не такой уж и плохой. А для того, чтобы спасти мир иногда достаточно белки в фольгированном жилете и голого кота-сфинкса. О том, что кролики — это серьёзно. Но любовь — ещё серьёзнее. Всем, кто любит драмеди с мистикой, комедию с глубокой эмоциональной линией и истории о том, что настоящая любовь преодолевает всё. А вы как думаете?

© Лазарова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ	7
Глава 2. ЗВУКИ ЗА СТеноЙ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лариса Лазарова

Кролики - это серьезно. Поиски Василия. На глубине.

ПРОЛОГ

Золотой дворец

Говорили, что во Дворце Золотого Императора существовал зал, которого не было ни на одной карте. Даже мудрецы Поднебесной не знали, где он находился. Одни утверждали, что зал скрывался глубоко под горой. Другие — что находился высоко над облаками. Там, где заканчивался ветер.

А самые старые летописи говорили иначе. Зала не существовало вовсе.

Он появлялся лишь тогда, когда требовалось узнать то, что ещё не произошло.

В тот день его двери были открыты для особых гостей.

Нефритовые колонны уходили в темноту и терялись там, где начиналось небо. На стенах мерцали золотые иероглифы. Они медленно меняли очертания, словно невидимая рука переписывала древнюю историю. В воздухе пахло сандалом и кедром.

На постаменте из цельного куска золотистого нефрита стоял древний трон. На нём возвышался Золотой Император.

Сегодня он был кроликом. Тот, кто сидел на троне, когда-то носил другое имя.

Не высокий. Шоколадного цвета. С шерстью, отливавшей тёмным медом. Львиная грива была густой и безупречной. Уши гордо подняты. Чёрные глаза смотрели вперёд. Так далеко, что человеческий взгляд не смог бы за ними последовать.

Бронзовая курильница в форме дракона посылала в зал тонкую струйку благовоний. Дым поднимался, смешивался с туманными языками неба и исчезал.

Император хранил молчание. Он оставался одинок, хотя ждал многих.

Наконец он поднял лапу и трижды ударил ею по подлокотнику.

Тогда из тумана начали появляться те, чьи имена ещё не были записаны в человеческих книгах памяти.

Первой вышла женщина высокого рода.

Одетая в чёрный шёлк, где по ткани извивались серебряные драконы. В руке она держала веер из чёрных перьев. Лицо её было сурово. Взгляд — упрям.

Она остановилась перед троном и склонилась в поклоне. С достоинством. Так кланяются те, кто привык спорить с судьбой.

Император наблюдал за ней.

Лицо его менялось. Мгновение он был стариком. Потом юношей. Затем снова стал тем, кого нельзя назвать ни старым, ни молодым.

Женщина не поднимала глаз. Потому что тот, кто однажды посмотрел в глаза Императору, уже не мог сказать, что не сделал своего выбора.

Император знал о её семи годах. О доме, где накрывали стол на двоих.

Сердце человека способно ждать дольше, чем разум считает возможным. Любовь не умеет считать время.

Следом из тумана вышел морской воин. На плечах его блестела чешуя. Его рука сжимала старый гарпун. Лицо было обветрено морскими ветрами. В глазах отражалась пугающая глубина.

Воин остановился перед троном и склонил голову.

Император не спрашивал имени. Ибо имя можно назвать лишь тому, кто вернулся. А этот человек был ещё в пути. Никто не знал, кем он вернётся. И вернется ли.

Раздался тихий всплеск. Нефритовый пол разошёлся. Под ним двигалась вода.

Чёрная. Глубокая. Из неё медленно поднялась огромная голова. Тёмно-серая кожа. Длинные усы. Застывшие глаза.

Император покачал головой. Тот, кто знает тайны глубины, не спешит говорить. Иногда молчание сохраняет больше правды, чем слова.

Все замерло. Даже капля застыла над чёрной гладью.

Император поднялся с трона. Лицо его снова изменилось. Теперь в нём было что-то очень человеческое. Печаль.

— Разве можно остановить воду? Или одолеть любовь? — тихо спросил он.

Капля всё ещё висела в воздухе.

— Не нам решать, кто победит. Кому суждено остаться в памяти, а кому — исчезнуть без следа. Мы лишь капли, которые однажды встретятся с большой водой.

Золотые иероглифы на стенах снова начали двигаться. На этот раз они сложились в единственную фразу.

Вернуть своё тело можно лишь прожив чужую жизнь как свою.

Капля упала в воду.

Нефритовые колонны сомкнулись. Туман поглотил трон. Золотой Дворец снова стал тем, чем был всегда. Местом, которого не существовало.

Глава 1. ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ

Утро всегда начиналось одинаково. Трамваи на маршруте №3 скрипели на поворотах. Где-то в Свердловском районе лаяла собака. А две сороки орали и ссорились из-за конфетного фантика прямо у нас во дворе. На улице Берёзовой, дом 14. Известно, что самые лучшие новости – это отсутствие новостей.

Пятый этаж. Наша трёхкомнатная квартира. Пахло кофе и ирисками.

Я проснулся ровно в шесть. Как всегда. Кроличьи биологические часы не знали выходных, праздников и человеческих отговорок. Вроде «ещё пять минуточек». Открыл глаза. Потолок. Белый. С трещиной в углу, напоминающей карту Китая. Я смотрел на неё каждое утро и думал: «Если бы я был Императором Нефритового Дворца, эта трещина была бы золотой». Но я не был Императором. Я был Львиноголовым Императорским Кроликом. И это тоже неплохо. Золотой ошейник с гравировкой грел мне душу. Не каждому кролику выпадает честь носить титул, который не помещается на табличке клетки.

Сел. Аккуратно. И как зевнул! Во весь рот! Испуганно огляделся. Фух! Никто не видел. Отлично. Итак. Сначала — задние лапы. Потом — передние. Затем вытягиваем спину. И вуаля! Львиная грива легла идеально. Ни один волосок не смел торчать в сторону. Умылся. Лапками, лапками. Старался, совершая практически ритуальное деяние. Провёл лапой по щётке еще раз. Убедился, что всё на месте. Встал. Выпрямил спину и величественно огляделся.

Клетка была произведением искусства. Моей гордостью. Миска с кормом стояла под углом ровно сорок пять градусов. Опилки выровнены. Так, что можно было играть в бильярд. Колесо для бега отполировано до блеска. Теперь я бегал в нём каждое утро по двадцать минут, не меньше. Маруся настояла. А я, как почетный кардиолог, не мог не прислушаться к мнению коллеги. Звание «почетный» мне вручили у Маруси на работе. В знак признательности. Что ж. Было приятно. Так, поилка — чистая, без единого пузырька воздуха. Деликатный уголок туалета — в самом дальнем углу. Справа. Фэн-шуй, восьмая триграмма. Обошёл клетку по периметру. Проверил. Идеально. Кивнул сам себе. Даже Золотой Император остался бы доволен.

За стеной слышались шаги босых ног. Жорик шёл на кухню. Я слышал, как он зевал. Прошел мимо меня с закрытыми глазами. Звук открывающегося холодильника. Потом — звук закрывающегося. И опять — звук открывающегося холодильника. Жорик всегда что-то искал. Если бы люди умели ставить вещи на место, мир был бы совершенен. Но нет. Мир полон хаоса. И мой любимый человек — его главный источник.

— Шик, ты не видел мои ключи? — вспомнил обо мне Жорик.

Я посмотрел на него. Ключи лежали на столе. Рядом с вазой. Он положил их туда вчера. Я видел. Но я не собирался подсказывать. Пусть вспоминает. Нужно тренировать память, что за безобразие опять началось.

— А, вот они, — Жорик схватил ключи. — Доброе утро, Шик.

Я фыркнул. «Доброе утро». Как будто утро могло быть добрым, когда ты живёшь с людьми.

Жорик убежал. Я остался в клетке. Сел у решётки и посмотрел в окно. Берёзы во дворе пожелтели. Осень была красивой. Люблю. Жёлтые листья падали на асфальт. Бабушки на лавочках обсуждали пенсии. Дети шли в школу. Я всегда любил порядок. Когда всё на своих местах. А уж после того безумного обмена с Жориком — ценил порядок ещё больше. Я снова был собой. Это такое наслаждение! А сено! Ах!

Дверь комнаты открылась. Прибежала Арина. Двенадцать лет. Хвостик на голове. А на резиночке то для волос – морковки! В руке — телефон со стразами. Моя девочка!

— Доброе утро, Шик, — она подошла к клетке.

Я посмотрел на неё. Хорошо, что Арина была нормальная. Не такая, как Жорик. Она — умная. Даже вела «Дневник наблюдений». Разработала для себя таблицу, и заполняла. Ежедневно. Все что я делал. Очень поучительно. Будет для многих служить примером. Можно конечно считать это нарушением приватности. Но что поделаешь! Терпел. Мир должен знать подробности о своих любимцах. Арина открыла клетку. Я не двинулся. Лишь лицезрел. Прогресс.

Арина протянула руку. Я наклонил голову. С достоинством. Она погладила меня по голове. Один раз. Два. Три. На четвёртый я отстранился. Арина знала правило. Три раза — максимум. Четвёртый — кусь. Она не нарушала, уважала границы. Я это ценил.

— Ты сегодня такой красивый, Шик, — похвалила она меня. — Просто император.

Я фыркнул. Ну вот. Докатились. От сиятельства до императора. Но было приятно. Чуть-чуть. Совсем немного.

Арина оставила клетку открытой. Ушла. Интересно, а где Алина? Обычно близнецы не ходят по одному. Сел у решётки, смотрел на дверь. Люди — странные существа. Гладят кроликов. Кормят кроликов. Разговаривают с кроликами. Я не понимал этого. Но привык. Эх. Ко всему привыкаешь. Буквально, ко всему.

Быстрым шагом пришла Маруся.

-- Привет, дорогой! Как спалось? Зайка мой, салатик?

-- Да! — откликнулись мы вместе с Жориком. Меня аж передернуло от возмущения. Вот ведь нахал! Он-то с чего?! Она со мной разговаривает. Ну не с ним же.

Получил великолепнейший листочек салатика. Мм. Хрустящестький! Я тоже тебя люблю, дорогая!

Жорик с Марусей завтракали и болтали. Я прислушался.

— Жор, ты опять носки разбросал, — сурово выговаривала Маруся.

— Я не разбросал. А стратегически разместил, — хихикал непутевый Жорик.

— Стратегически. В ванной. Под раковиной. Жор, это не стратегия. А свинарник.

— Марусь, ну я же устал. Работа, дети, носки...

— Носки — это не работа. Носки — это одежда. Её надо снимать и класть в корзину. В корзину для белья, Жорик. Не под раковину. И уж точно, не запихивать, за раковину.

Я усмехнулся. Люди. Спорят о носках. Как будто носки важны. Хотя, если подумать, носки — единственное, что стоит между человеком и хаосом. Может, они и правы.

Я степенно выбрался из клетки. Ну да, попой вперед. Типично. Прыгнул на пол. Никто не обратил внимания. Жорик стоял у стола. Пил кофе. Маруся собирала близнецов в школу. Алина уже была готова. Арина — нет. Красилась. В двенадцать лет. Не понимаю я этого. Зачем краситься в двенадцать? Кролики не красились. Слишком красивы от природы. Ну что ж. Не всем так повезло.

Я обошёл кухню. Под столом лежал носок. Серый. С дыркой на большом пальце. Жорик! Ничему-то тебя жизнь не учит. Кухня, носок. Хочешь морковки, Жорик? Посмотрел на него. Три месяца назад фыркнул бы и ушёл. Сейчас — нет. Подтолкнул носок носиком. Подкатил к корзине для грязного белья. Носок упал в корзину. Кивнул. Прогресс.

Жорик увидел. Почему-то обрадовался.

— Шик, ты опять моим носком играешь? — улыбнулся он. — Видишь? Марусь, ему даже не противно!

Я фыркнул. Это не игра, а порядок. Носки должны быть в корзине. Не под столом. В корзине, голова ты, садовая. Два уха.

— Он тебе помогает, пап, — Алина засмеялась. — Шик — наш домовый.

— Домовой, — Жорик покачал головой. — Кролик-домовой. Вот это я понимаю! Молодец, дружище! Уважаю.

Прыгнул в клетку. Сел у решётки. Люди странные. Но они — мои люди. Привык. Даже к Жорику с его носками и глупостями.

На кухне Маруся открыла ноутбук. Маруся по-прежнему работала врачом. Но утром всегда открывала ноутбук и смотрела в папку «Аномалия-1». Я знал, что в этой папке. Записи обо мне. О том, как я менялся телами с Жориком три месяца назад. Маруся записала все. Температуру. Давление. Рефлексы. Она была медицинским работником. Верила в данные. Не верила в магию. Но себе доверяла. Тому, что видела. А видела она, как кролик стал человеком. А человек стал кроликом.

Маруся быстро что-то печатала. Явно писала обо мне. Фыркнул. Люди. Всё записывают. Как будто если записать, то поймёшь. А вот кролики не записывали. Просто помнили.

Жорик сел за компьютер. Он теперь еще и был администратором чата «Питомцы среди нас». Чат маленький. Пятнадцать человек. И ещё больше питомцев. Но Жорик не знал, что питомцы тоже читали чат. Я знал. Был подписан и читал. А как же!

В чате писали разное. Кто-то жаловался, что кот стал слишком умным. Кто-то писал, что собака начала понимать команды с первого раза. Спрашивали, нормально ли, что попугай выучил матерные слова. Жорик отвечал всем. Был добрым. Я это признавал. Но Жорик не знал главного. В чате были не просто люди с умными питомцами. Были и те, кто поменялся телами. Как мы с Жорик. Мурзик был администратором до Жорика. Вот, делегировал рутину. Хитрый-хитрый Мурзик.

После всех наших историй я не доверял Мурзику. Коты хитрые. А против природы не попрешь. Но признавал: Мурзик полезный. Знал про обмены больше, чем кто-либо. Правила, «точки глубины», амулеты и способы перекидывания -- опыт, помноженный на знания. Приходилось его терпеть. И слушать.

Близнецы собрались в школу. Арина поцеловала меня через решётку клетки. Алина махнула рукой. Жорик закрылся в комнате. Удаленщик. Маруся в свой Кардиоцентр. Квартира опустела.

Наконец-то наступила тишина и покой.

Сел у окна. Осматривал берёзы, лавочку во дворе, гаражи. Всё на своих местах. Порядок восстановлен. Все как обычно. Я, как существо благородное, предпочитал, чтобы новостей не было вовсе.

Три месяца назад я был Жориком. В человеческом теле. Ужасно. Никогда бы не согласился добровольно. Люди грязные. Шумные. Эмоциональные. Ели три раза в день. Спали по восемь часов. Разговаривали постоянно. Не выдержал бы ещё один день в человеческом теле. Но выдержал. И многому научился. Люди не просто грязные и шумные. Они... другие. Любят. Заботятся. Делают глупости. Но от сердца. Не понимал этого сразу. Теперь — понимал. Чуть-чуть. Совсем немного.

Где-то за стеной кто-то плакал. Стараясь не шуметь.

Но я слышал. Уши дёрнулись. Кроличье сердце заколотилось быстрее. Не от страха. От чего-то другого. Чему у кроликов не было названия. Открыл глаза. За стеной — тетя Клава. Соседка. Старшая по подъезду и частный детектив. Вредная и сварливая. Орала вечно на всех. А по ночам — плакала.

Фыркнул. Не моё дело. Я кролик. Делал свое дело. Сидел в клетке, хрустел сеном. Закрыв глаза снова. Но плач за стеной не прекратился.

Вечером все мои люди опять собрались на кухне. Жорик вернулся из магазина. Принёс пакет. Там — кефир, хлеб, яблоки. Пошёл к соседке. К Клаве. Я слышал всё через стену.

— Клава Васильевна, я вам принёс... — лебезил перед ней Жорик.

— Ты чего, кривой, опять не то купил?! Я тебе сказала — кефир 2.5%, а ты принёс 3.2%! — сердилась тетя Клава.

— Клава Васильевна, я не заметил...

— Не заметил! Глаза-то есть? Или ты их дома забыл?! Вон отсюда!

Дверь хлопнула. Жорик вернулся.

— Она опять орала, — пожаловался он Марусе. — Я уже не могу больше. Буду оставлять ей продукты на пороге. И убегать. Пусть вслед кричит.

— Очень рискованное предложение, Георгий! Жор, может, вызовем соцслужбу? — хихикала Маруся помешивая суп в кастрюльке на плите.

— Она меня убьёт, если я кого-то вызову. Она в прошлый раз санитарку из поликлиники метлой гоняла. Ой, ну за что мне все это! Вот был бы Вася...

Маруся шикнула на него. И осторожно огляделась. Столкнулась со мной глазами и приложила палец к губам. Ш-ш, тихо. Вася – это табу. Мы его не обсуждаем. Ни звука. Бережем Клаву.

Я слушал. Фыркал. Клава — монстр. Абсолютный монстр. Но Жорик вздыхал, переживал за нее. А Маруся, когда думала, что никто не слышит, говорила: «Бедная женщина. Одна. Ей всего-то пятьдесят восемь. Так страшно потеряла мужа. Любимого, между прочим. И больше замуж не вышла. Семь лет прошло». Не понимал. Монстр — он и есть монстр. Разве монстров жалеют?

Но ночью — когда все спали — снова услышал поскуливание. Тихое. Монотонное. Я не спал. Лежал в клетке. Смотрел в потолок. На трещину, что напоминала карту Китая. Думал о Клаве. Как она там.

Одна.

Глава 2. ЗВУКИ ЗА СТЕНОЙ

В одиннадцать я всегда засыпал. Кролики должны спать 14 часов в сутки. Это не просто. Кроличий организм — штука точная. Не то что человеческий. Люди могут ложиться в разное время, вставать в разное, есть в разное. Хаос.

Поэтому, в одиннадцать я уже спал. А в одиннадцать и одну минуту — просыпался. От звука.

Тонкий. Тихий. Такой жалобный, что зубы сводило. Как будто кто-то очень старался не плакать. Но получалось плохо. Уши встали сами. Сердце заколотилось — часто-часто. Кролики не переносят таких звуков. У нас, чутких владельцев ушей и хвостов, нет им названия. Но туда, где есть эти звуки всегда приходит беда.

За стеной почти не слышно плакала тетя Клава. Я знал это. Кролики вообще много чего знали в этой жизни. Часто — напрасно. Моя особенность — отличный слух. Не просто отличный. Императорский. Я слышал, как Жорик храпел через две комнаты. Маруся иногда вздыхала в ванной, когда смотрела на себя в зеркало. Близнецы секретничали под одеялом. Наглые сороки за окном делили конфетный фантик.

Я знал всех соседей по голосам. Всех. И людей, и животных. Кот с третьего этапа, наглый перс Барсик, каждую ночь требовал у хозяйки колбасу. Собака с первого, такса Зина, видела сны про сосиски и скулила. Даже тараканы — и те, казалось, шуршали в каком-то своём ритме. Но! Это страшный секрет. Потому что, у нас нет тараканов. Иначе, будет объявлено таракнье сафари!

Но плач Клавы был особенный. Он пробирался сквозь стены, подушку, опилки в клетке. Он был вездливый. Проникал глубоко в голову и сердце. Как заноза.

Я зарылся глубже в опилки. Закрыв глаза. Даже прижал веки лапками. И медитировал. «Не моё дело. Я кролик. Кролик спит. Кролику всё равно. Я не хочу терять свою прекрасную жизнь. Кролик засыпа...»

Но кролику было не всё равно. Мне было больно. И очень жалко. Практически незнакомого человека. Даже и не симпатичного! Вот это меня и злило.

Днём Клава пришла к нам. Теперь она часто приходила. После того безумного обмена с Жориком, семья решила, что раз уж мы знаем про такие штуки, надо помогать тем, кто в них попал. Маруся называла это «социальной ответственностью». Жорик — «благотворительностью». А Клава — «безобразием, которое они творят. Вы-тво-ря-ют!».

Но все равно приходила. Каждую неделю. И участвовала в безобразиях.

Сегодня она вошла, как всегда. Со стуком, но таким, будто дверь была виновата перед ней лично.

И ответит за это.

— Ну что тут у вас опять стряслось, а?! — рывкнула с порога. — Опять этот ваш кот в компьютере сидит? Он мне прошлый раз всю клавиатуру шерстью засыпал!

Это она про Мурзика. Точнее, про его тело — лысеющего программиста Андрей. Но внутри — кота. Да, да! Мурзик опять всех удивил. Слухи о том, что он теперь натуральный кот, оказались очень сильно преувеличенными. Как и о его загадочной жене-кошке. Которую, вообще-то никто никогда и не видел. В общем, где коты и кошки, забудьте все дорожки, отдайте свои площадки. Так вот. Маруся ругалась, что Мурзик постоянно сидит у Жорика за компьютером и оставляет шерсть на клавиатуре. Клава ругалась ещё громче. И пару раз Мурзик получил от нее щеткой по спине. Ничего, пусть вспомнит молодость. Наглый тип.

— Клава Васильевна, это не кот. Это Мурзик, — терпеливо объяснял Жорик. — Он в теле человека.

— Мне всё равно, кто он в теле! Кот есть кот. А у меня аллергия на кошачьих. Меня не обманешь! Пусть убирает за собой! Я из-за него уже три раза чихала!

Я сидел в клетке и делал вид, что меня нет. Клава меня не замечала. Или делала вид, что не замечала. Она вообще со мной не разговаривала. Может, потому что я был кроликом. А может, потому что кроликов она к себе подпускала только в виде рагу. Б-р-р. Ужас какой!

У Клавы не было домашних животных. Вообще. Ни кошки, ни собаки, даже рыбок. Жорик как-то предложил ей хомячка. И даже принес! Она посмотрела на него так, что Жорик три дня после этого заикался. А хомяку вызывали неотложную ветеринарную помощь.

— Мне никого не надо. — отрезала она тогда. — Хватит с меня одного. Дурака. Больше не надо. Никого. Все—предатели.

Клава села на кухне. Маруся поставила чайник. Жорик принёс сушки — Клава их обожала. Она вообще любила простые вещи. Сушки. Сериалы про любовь. Детективы с любовной линией. Только обязательно со счастливым концом. Хэппи энд, знаете ли. Сплошной социалистический реализм.

— А если с открытым финалом? — спросила как-то Арина.

— Значит, режиссёр — дурак. И сценарист — идиот. А я отказываюсь это смотреть. Дрянь такую.

Арина записала это в «Дневник наблюдений». Под заголовком «Клава Васильевна о мировом киноискусстве в целом».

Вечером, когда близнецы ушли делать уроки, а Маруся — в свою комнату читать медицинские журналы, мы остались втроём. Я, Жорик и Клава.

Свет приглушили. Жорик заварил чай — крепкий, с чабрецом. Клава любила такой. Она сказала однажды: «Чай должен быть как мужик. Крепкий. И чтобы от него тепло было» Мы с Жориком сразу начали надуваться, чтобы казаться крепкими. Хотелось в ее глазах походить на мужиков.

Сидели на кухне. Я — в клетке на столе. Клава — на стуле. Жорик — то там, то сям.

— А расскажите ещё, — попросила Клава. — Про ту женщину, что с попугаем поменялась.

Жорик вздохнул. Он уже третий раз рассказывал эту историю. Но Клава любила слушать. Как страшные сказки.

— Ну, она проснулась, а у неё хвост. И крылья. И хочет семечек. Много-много. И чтобы с белыми полосками. А других не хочет.

— Ужас! — Клава прижала руку к груди. — И что она делала?

— Летала по кухне. Орала матом. А до этого преподавала фортепиано в детской музыкальной школе. Попугай же матерящийся был.

— Бедная женщина.

— А потом она научилась хорошо летать. И даже маневрировать. Улетела в парк. Там её нашли через три дня. На ветке. С орехом.

— Счастливая женщина!

Жорик посмотрел на неё странно.

— Клава Васильевна, вы чего?

— Ничего. Просто завидую немного.

— Чему?

— Что можно улететь.

Жорик замолчал. Я тоже. Мы оба знали, о чём она. О том, что улететь нельзя. Потому что нет крыльев. И нет того, к кому можно было бы улететь. Даже мысленно.

Потом Жорик рассказал про мужчину, который поменялся с черепахой. О женщине, которая поменялась с таксой. И старике, поменявшемся с голубем.

Клава слушала. Глаза её блеснули. Но не от слёз.

— А вы думаете, — тихо спросила она, — они потом снова стали собой?

— Почти все. — осторожно отозвался Жорик. Очень осторожно. — Почти.

— А те, кто не стал?

— Те... остались.

— Где?

— В чужих телах. Навсегда.

Клава долго молчала. Потом взяла сушку. Откусила. Прожевала.

— А Василий... — начала она. И остановилась.

Жорик посмотрел на меня. Я посмотрел на Жорика. Мы оба знали: про Василия говорить нельзя. Маруся запретила. «Бережём Клаву, — говорила она очень строго. — И себя. Что тоже важно».

Но Клава сама продолжила.

— Василий был водолазом. — начала она. — Работал на озере Глубокое. Такое название. Глубокое. Смешно, да?

Жорик молчал. А мне было совсем не смешно. Абсолютно.

— Он любил воду. С детства. Говорил, что там, на дне, хрустальная тишина. Что вода — как покрывало. Защищает и убаюкивает. Все говорили, что он под водой — свой. Будто там и родился.

Она улыбнулась. Только вот улыбка была странная. Рассеянная и не веселая.

— Он не должен был ехать. Но, сменщик заболел. Или просто—не приехал. И Василий вздохнул: «Ну что же делать, наядка моя». Это я была — наядка. И поехал. Погружаться в озеро Глубокое. Как и положено высококлассному водолазу. Сказал: «Клав, я скоро». Оказалось, в последний раз. Больше не поднялся.

Она ещё откусила сушку.

— Искали. Долго. Два месяца. Водолазы, собаки, лодки. Ничего не нашли. Ни тела. Ни вещей. Ничего.

— Клава Васильевна... — Жорик хотел что-то сказать.

— Не надо. — остановила она его. — Я знаю, что вы скажете. Что он просто утонул. Или его унесло подводным течением. Ну или его съели сомы.

Мы с Жориком в ужасе кинулись друг к другу. Я не помню, как оказался у него на коленях. А он крепко-крепко прижал меня к себе.

А тетя Клава смотрела в окно.

— А я не верю.

— Почему? — тихо спросил Жорик.

— Потому что я бы почувствовала.

Она положила руку на грудь.

— Вот здесь. Я бы почувствовала, если бы он умер. А я не чувствую. Я думаю, что он живой. Просто, не хочет ко мне возвращаться. Ему там лкчше. Где-то там, на дне. Или не на дне. Но лучше. Без меня.

Мы с Жориком переглянулись. Оба думали одно: «Она сумасшедшая.» Но говорить об этом, было нельзя. Опасно. Для жизни.

— Клава Васильевна, — осторожно предложил Жорик, — может, вам к врачу?

— А я сейчас по-твоему, где? Я и так у врача. У Маруси. Она говорит, что у меня «пост-травматическое отрицание». А я говорю, что у неё диплом. А у меня — муж. На дне. Глубокого озера. И не хочет вылезать. Хоть ты тресни. Лишь бы только меня не видеть.

Жорик не нашёлся, что ответить.

— Он звал меня наядушка. — вдруг сказала Клава. — Ты моя, говорил, наядушка.

— Это от слова «наяда»? — переспросил Жорик.

— От слова «русалка». Я же красивая была. До всего этого.

Она замолчала. Потом встала.

— Пойду я. Поздно уже.

— Клава Васильевна, может, проводить? — предложил Жорик.

— Не надо. Я сама. Я все давно сама.

Она ушла. Дверь тихо закрылась.

Позднее, я лежал в клетке и думал.

Она сумасшедшая. Это точно. Сумасшедшая баба, которая семь лет разговаривает с фотографией. Готовит ужин на двоих. Ждёт. Неизвестно кого и чего. Со дна озера. Глубокого. Б-р-р.

Но я слышал её плач. Каждую ночь. Значит, она не притворялась. И не пыталась обмануть нас. Ей действительно было очень плохо. Ей казалось, что ее предали. Тот, кому она верила больше, чем себе. А это было по-настоящему печально.

Я посмотрел на свои лапки. Мягкие. Шоколадные. Идеальные. На мисочку с кормом и отполированное колесо для бега. На клетку — мой дом, мою крепость, мой Нефритовый Дворец.

О, как я был счастлив здесь. Всё это мне нравилось. Очень. Я любил свои лапки и свой милый хвостик. Очаровательную гриву истинного львиноголова. Я был подлинный Императорский Кролик. Аристократ от рождения. То есть, я был собой. И не хотел это терять. Ни за что.

Вот только жалобные звуки за стеной не прекращались.

На следующий день Клава снова пришла. Она принесла пирожки. С капустой.

— Это вам. — сказала она Марусе. — А то вы худая какая-то.

Никогда еще у Маруси я не видел такого счастливого лица. Она просто расцвела на наших глазах. Хотя Маруся удивилась. Клава никогда ничего не приносила. Кроме сушек.

— Клава Васильевна, спасибо.

— Не благодарите. Мне не трудно.

Она на кухне включила телевизионный сериал. Где все было как по заказу. Детектив с любовной линией и счастливым концом.

— О, — воскликнула Клава, — наконец-то нормальное кино.

Мы все сели смотреть. Я — в клетке на столе. Жорик — на диване. Маруся — в кресле. Близнецы — на полу.

Клава смотрела и комментировала.

— Ну конечно, он её любит. Это сразу видно.

— А эта — дура. Надо было за другого выходить.

— Ой, сейчас убьют кого-то. Смотрите.

И действительно, через минуту убили. Почему-то мы все вздрогнули. Кроме тети Клавы.

— Я же говорила. — Клава кивнула. — Чуйка у меня.

Жорик засмеялся. Клава посмотрела на него строго.

— Чего ржёшь? У меня чуйка. Я всегда все знаю.

И с гордостью осмотрела нас всех.

Наступил вечер. Домашние разбрелись по комнатам, только Клава смотрела свои сериалы. А я остался на подоконнике. Любил сидеть на подоконнике. Оттуда было видно двор. Берёзы. Лавочку. Гаражи. Смотрел в окно и думал о Клаве. О том, как она сказала: «У меня чуйка. И я знаю, что он жив»

Она странная. Почти сумасшедшая.

Я повернул голову. Посмотрел на улицу. Внизу, у подъезда, стоял дядя Толя. Сосед. Курил. Смотрел в небо. Дядя Толя был тоже странный. Алкоголик. Но с золотыми руками. Он мог из карандаша, моторчика от машинки и листа бумаги сделать самолёт. Настоящий. Который летает. Сам не знал, как. Просто делал.

Он посмотрел наверх. Увидел меня. Помахал рукой.

— Привет, Шик. — крикнул он. — Эх, тьму таракань, замутить-перегрустить.

Такая была его поговорка. Он говорил её всегда. К месту и не к месту.

— Ты чего тут сидишь? — спросил он. — Тебе что, дома плохо?

Я фыркнул. Дома мне было отлично. На подоконнике — тоже неплохо.

Дядя Толя засмеялся.

— Понимаю. Иногда хочется посидеть. Посмотреть. Подумать. Эх, тьму таракань...

Он докурил сигарету. Бросил окурочок. Потушил ногой. Пошёл домой.

Я смотрел ему вслед. И думал о Клаве. А может, она права? Вдруг, он правда жив?

Но я же кролик. Сажу в клетку. Живу в квартире. У меня лапки! И я посмотрел на свои чудесные лапки. На мисочку. На колесо. И всё это мне нравилось. Очень.

От наплыва чувств я переступил с лапки на лапку, и сделал маленький шаг назад. И... не понял, что произошло. Я только понял, что падаю. И не могу остановиться. Сделал несколько судорожных движений, но пол приближался быстрее.

Оп! Я очутился в цветастом подоле юбки. Пахнувшей сушками и немного слезами. Надо мной склонилась тетя Клава. Только очень странная. Добрая.

-- Не ушибся, малыш?! — вдруг спросила она необычным голосом. Приятным. — Испугался?

Признаюсь, я растерялся. Не часто меня, такого именитого кролика ловят просто в юбку. Совершенно посторонняя женщина. Хотя и живущая по соседству. А ведь я мог здорово расшибиться. Фу, как стыдно! А если бы меня увидели близнецы! Как я грохнулся бы! И мог к стати, стукнуться носом. А это плохо для кроликов.

Тетя Клава донесла меня в юбке к клетке и просто вытряхнула туда. Я шлепнулся на пузико. И стремительно начал приводить себя в порядок. О, какой стыд. Теперь Жорик будет надо мной смеяться!

Потом она встала. Вытерла лицо. Налила чай. Села. Посмотрела на меня.

— Чего смотришь? — еще раз спросила она. — Не ушибся? Давай, никому не скажем?

Я фыркнул. Не ответил. Но кивнул головой и повернул к ней одно ухо. И это значило — да.

— Вот и сиди в клетке. Целее будешь. — проговорила она уже своим, тети Клавиным неприятным голосом. — Нечего на людей таращиться. Падают они! Куда попало. Страх смотреть.

Допила чай и ушла. А я остался в клетке. И опять думал. Неистово расчесывая и вылизывая мою прекрасную шерстку.

Я — почётный кардиоконсультант. Почти психолог. А у этой женщины — разбитое сердце.

И если мы ей поможем... Мы все немного дольше проживём. Рядом с ней-то.

Я смотрел в окно. Знал, что оно где-то там. Глубокое. Озеро, которого не было видно.

Но оно там было. И я знал — что-то придётся делать. Безотлагательно. У кроликов на такие дела — чуйка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.